

НАСТАЛО ВРЕМЯ

(Открытое письмо Моск. Губ. Отделу Союза Рабис и советской общественности)

Мне известно, что в художественном совете МХАТ'а 2-го, в связи с пьесой Ромэн-Роллана «Взятие Бастилии», готовящейся к 10-летию Октября, упоминалась моя фамилия, как возможного исполнителя роли Гоша. Но так как **член худ. совета А. И. Благонравов** выразил желание играть эту роль, то ее ему и отдали. Но он занят последовательно во всех последних постановках,—«Петербург», «Евграф», «Орестей», «Смерти Грозного»... Чем же объяснить предпочтение, отдаваемое ему? Его болей художественной зрелостью? Нет, мы, приблизительно, одного сценического возраста. И еще соображение,—почему в таком случае аналогичные образы: Киркора— в «Балладине», короля французского— в «Дире», Орешко— в «XII ночи» были поручаемы в свое время мне, а не ему, зачем тогда сейчас играю ту же «XII ночь» и, а не Благонравов?!

Может быть, вопрос решается проще,—худ. совет назначается М. А. Чеховым из лиц, ему угодных; членом этого совета состоит А. И. Благонравов и функции совета, видимо, в том, чтобы распределять роли между собой?!

А молодому актеру, видимо, для того, чтобы получать даже явно ему подходящие роли, необходимо было «современно» стать членом этой, весьма «аристократической» семейной касты, мужем какой-либо маститой актрисы?!

Ведь если проследить все указанные последние постановки—кто играет?—М. А. Чехов, П. Н. Версенев—С. В. Гладникова (супруги), А. И. Чабан—М. А. Дурасова (супруги), Л. П. Дейкун—А. И. Благонравов (супруги), В. В. Соловьева—А. М. Живинский (супруги) и приближенные... А остальные могут выявлять себя на театре только через этих власть имущих людей.

С так называемой «оппозицией» правление расправляется без крови, тихо, методически и совершенно спокойно. Почти год, с момента разрыва, ни один член этой «оппозиции» не занят ни в одной из последних работ театра.

Правление безответственно, непогрешимо. К кому можно апеллировать? Такого органа—нет! Худсовет распределит, общародовал и копчено, И не одного—целую группу прекрасных актеров среди бела дня душат, медленно удушают, прикрываясь талантом и обаянием имени Чехова и взятой у МХАТ I маркой.

Ведь дело уже не в одной какой-нибудь роли!.. Воздуха нет и дышать нечем!.. Какой-то смрад, кошмар, ужас... И это в центре Советской России, в Москве, в центре Москвы, на Свердловской площади, в Академическом Театре МХАТ'е 2-м, и это с пьесой, которая будет готовиться к десятилетию Октября!..

А пройдет еще полгода, год и каждый, посмеивший поднять свой голос против существующего «порядка» и определенной идеологической линии в театре и касты, вершащей судьбы отдельных актеров, каждый из них будет окончательно сведен на нет. А вместо советской общественности, за которую они борются, они или по-одиночке должны будут принять условия победителей или художественно погибнуть...

Да ведь люди буквально гибли, если и не в борьбе, то в этом современном уточненном застенке.

Так повесился Верещанин, одна из жертв чеховской политики... в театре говорят святейшие, христианнейшие, наитеософские слова, а

действительность выражается хотя бы в следующем; во вторник 8-го марта по поводу посадки в Ленинград с «Потопом» заседание в местном, где Версенев отстаивает права Чехова, как антрепренера спектаклей, набрать соответствующий штат своих людей и, таким образом, оплатить их преданность, где беззащитно идут на халтуру, заменяя актера Цибульского помержем Ермиловым и постоянного исполнителя Антонова, мелкую сошку, получавшего 63 рубля жалованья,— своим человеком Громовым.

Может быть, Ермилов и способный человек (хотя на экзамене в сотруднички его провалили), но какое беззащитное отношение к актеру, когда в другое время давая ему (актеру) роль в два слова торжественно твердят, что это—роль, что это **нужно для искусства** и отношение к этому должно быть **священнейшим**, а завтра будут выпускать на сцену портного, билетера и т. д.

И никто не осмеливается возражать, из боязни лишиться места и погибнуть! А ведь погибнешь действительно! У правления и худсовета есть прекрасное средство—объявить тебя бездарным бунтарем, приклеить тебе на спину бубновый туз и пустить в посредрабис заживо разлагаться!..

Разве все это не вопиет!.. Остается только спросить—известно ли это и как борется с этим?.. Настало время поставить вопрос об актерском бесправии и о дневных художественных убийствах во всю ширь...

И потом—как можно от таких органов, худсоветов и пр. ждать проведения через театр той идеологии, которая, будучи проведена до конца, лишит их налаженных теплых местечек!

А ведь сейчас советская действительность делает крупную ставку на театр и актеров. Но если не обратит внимание на такое вопиющее бесправие, то пусть тогда же сознательно поставит крест на гражданском воспитании актера, ибо нельзя же от него этого требовать, не дав права апелляции, без опаски быть медленно и тихо удушенным под аналогичными кумиру.

Настало время требовать от союза, авторов и других заинтересованных в общественном театральестве советских органов пересмотра театральных конституций и осуществления широчайшего общественного контроля над внутренней и в частности художественной жизнью театра. Требовать материального улучшения условий существования низшего сотруднического персонала. Оставить существующие условия—значит поощрять злейшую эксплуатацию любви к искусству.

Но в общем я уверен и спокоен, что со злом будут бороться. Наша общественность не может отринуть и игнорировать правдивого обличающего голоса. Она откликнется. Ибо такие расправы и такое кумовство в наше время недопустимы.

А вот и подтверждение правильности прошлого, не успев переписать этого письма, как увидя распределение ролей в пьесе Гольдони—опять ни один из группы меньшинства не занят. Все свои, близкие, родные... Видимо, правление уверено, очень уверено в своих силах, по врид ли оно встретит чью-нибудь авторитетную и могущественную поддержку?!

Артист МХАТ 2 Чупров

Москва, 15 марта 1927 г.